

© 2011 г. *Е. И. Литневская*

**К ВОПРОСУ О КОДИФИЦИРОВАННОСТИ
ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Как справедливо отмечает В.В. Виноградов, «анализ стилистических явлений опирается на понятие нормы языка и ее возможных вариаций – как свободных, так и функционально обусловленных» [1, с. 66].

Термин «норма» лингвисты используют в двух смыслах – широком (узуальная норма) и узком (кодифицированная норма). Л.П. Крысин, известный своими исследованиями в области ортологии, пишет, что «в широком смысле под нормой подразумевают такие средства и способы речи, которые стихийно, спонтанно формировались в течение многих веков и которые обычно отличают одну разновидность языка от других. <...> В узком смысле норма – это результат кодификации языка» [2, с. 36-37]. Таким образом, понятие нормы применимо ко всем разновидностям русского национального языка (как литературным, так и внелитературным), при этом норма понимается исследователями не только суженно (кодифицированная норма), но и расширительно (узуальная норма).

Изучение и описание норм в их динамике и статике в лингвистике принято обозначать термином «нормализация». Известные в области ортологии исследователи (Т.П. Плещенко и Н.В. Федотова, Л.К. Граудина, Л.И. Скворцов и др.) приходят к выводу, что понятия «кодификация» и «нормализация» оказываются в отношении соподчиненности: последняя является частью первой.

В учебнике «Культура русской речи» под редакцией Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева отмечается, что «кодифицированные нормы литературного языка – это такие нормы, которым должны следовать все носители литературного языка. Любая грамматика современного русского литературного языка, любой его словарь есть не что иное, как его кодифицирование» [3, с. 13].

В приведенном выше определении кодификации отмечены два основных ее средства – грамматики и словари. (Вопрос о языковой политике государ-

ства по недавнему приданию статуса кодифицирующих только определенным словарям оставим за пределами нашего исследования.) Однако М.В. Панов подходит к описанию средств кодификации иначе: «Нормы литературного языка – предмет сознательной заботы говорящих. Литературному языку учат в школе, заставляя детей сознательно относиться к своей речи; литературный язык имеет свою письменность, а письменные нормы – предмет постоянного внимания всех пишущих и всех читающих. Есть произведения классические, образцовые – они действительно служат образцом безупречного владения языком. Существуют словари, учебники, справочники, в которых сказано, как надо говорить и писать. Все это делает литературный язык предметом сознательного культивирования. Он находится в центре общенародной заботы о нем. Имея это в виду, говорят, что литературный язык кодифицирован» [4, с. 91-92].

Как мы видим, М.В. Панов значительно расширяет состав кодифицирующих средств, включая сюда не только составленные лингвистами специальные описания нормы, но и школьные учебники и конкретные тексты как образцы хорошей литературной речи.

В чем причина такого расхождения в определении средств кодификации?

Описать с большей или меньшей степенью научности или популярности можно все; это, собственно говоря, и делается в каждом исследовании на научную тему. Описаны и продолжают описываться нормы и литературного языка, и внелитературных его разновидностей; любое из этих исследований может быть прочитано не только лингвистом, но и непрофессиональным филологом – носителем языка; из любого исследования можно сделать вывод не только о том, «как оно есть», но и о том, «как оно должно быть». Однако наши профессиональные изыскания не могут считаться средствами кодификации: они содержат специальную терминологию и рассчитаны на специальную читательскую аудиторию с особой апперцепционной базой.

Представляется, что именно описательный характер имеет не только специальная научная лингвистическая литература, но также грамматики русского языка и абсолютное большинство словарей.

Не следует преуменьшать интерес «рядовых» носителей языка к проблемам того, «как надо говорить и писать»: специальные справочные консультационные службы русского языка никогда не остаются без посетителей. Е.Я.

Шмелева пишет, что за четыре года она получила несколько тысяч писем и что пишут ей мужчины и женщины, рабочие, пенсионеры и учащиеся, люди молодые и старые, из городов и деревень, причем проведенная ею статистика показывает достаточно ровные показатели по всем этим категориям [5,].

Однако не следует и преувеличивать востребованность как устной, так и письменной консультационной помощи лингвистов среди населения. Если задать неспециалисту вопрос, есть ли у него дома какая-нибудь академическая грамматика русского языка и читает ли он ее в случае необходимости, ответ в 99 % из 100 окажется отрицательным. Более того, отмена обязательного института редакторов и корректоров привела в последние 20 лет к устрашающей безграмотности (от орфографической до стилиевой) большого количества и публицистических, и художественных текстов. Это отмечается в таком количестве работ, что не нуждается в подтверждении; среди неспециалистов и даже некоторых лингвистов эта тенденция получила название «порчи языка».

Аналогично и со словарями и справочниками. Основной их потребитель – лингвист-профессионал; среди неспециалистов по необходимости к этим изданиям обращаются преимущественно или почти исключительно учащиеся.

Таким образом, можно утверждать, что статус универсального кодификационного средства выполняет только школьный учебник – и только в связи с тем, что в нашей стране существует всеобщее 9-летнее образование. Много лет занимаясь методикой преподавания русского языка в школе и имея 11-летний опыт школьного преподавания, не могу не поделиться некоторыми своими соображениями по поводу школьного преподавания русского языка (Е.И. Литневская, В.А. Багрянцева) [6].

Во-первых, так называемая «школьная грамматика», которую так часто противопоставляют «научной грамматике», – не что иное, как научная грамматика середины – второй половины XX в/, поэтому это в первую очередь грамматика языка, а не речи, то есть поуровневое описание системы и норм литературного языка. Более того, объектом последовательной кодификации в школьном учебнике является язык не во всех своих функциональных разновидностях, а только нейтральный стиль языка. Те тексты, которые в школьном курсе рассматриваются как «идеальные», – это тексты нейтрального стиля.

Это положение подтверждает и Е.Я. Шмелева: «При всей разнородности аудитории [радиопрограммы «Грамотей»] язык писем характеризуется на-

личием большого числа общих черт. Письма, несмотря на возрастные и социальные различия их авторов, написаны правильным русским литературным языком, стилем, которым в школе учат писать сочинения и другие письменные работы <...> 95% слов относится к нейтральной лексике, просторечие или диалектные слова проскальзывают в письмах только в тех случаях, когда автор вдруг что-то вспоминает, увлекается и перестает себя контролировать. <...> Синтаксис писем также очень похож на синтаксис школьных сочинений» [5, с. 626]. Е.Я. Шмелева отмечает и высокий пуризм «рядовых» носителей литературного языка: «Еще одной чертой, отличающей письма слушателей от материалов современной прессы, является практически полное отсутствие языковой игры <...> Случаи использования прецедентных текстов (и то, конечно, не из анекдотов или текста рекламы, а из классической литературы) можно пересчитать по пальцам» [Там же: 626].

Таким образом, основной вектор школьного обучения русскому языку – движение от разговорной речи (далее РР) к нейтральному стилю.

Е.Я. Шмелева отмечает, что «у слушателей (особенно старшего возраста) есть чувство, что вероятность ошибок в их письмах все равно очень велика, многие письма заканчиваются извинениями: *извините за ошибки, в школе учился давно, многое позабыл...*» [5, с. 627].

Отчего у носителя языка, склонного к рефлексии над языком (а только такие носители смотрят и слушают подобные передачи), может возникать страх ошибки, сильная неуверенность в своей языковой и речевой компетентности? Представляется, что это связано, во-первых, с интуитивным пониманием ими различий между нейтралом и используемой в повседневной жизни РР или используемым в профессиональной сфере иным функциональным стилем. Во-вторых, такая неуверенность связана с достаточно стереотипным представлением о невариативности норм литературного языка: недаром и люди, пользующиеся услугами справочных служб русского языка, и большинство учащихся с недоверием встречают профессиональный лингвистический комментарий о вариативности тех или иных норм и чаще всего продолжают допытываться, как все-таки «надо» и «правильно».

За последние 20 лет изменилось отношение к норме в первую очередь у журналистов, которые используют язык не только как орудие, но и как оружие. В 1988 г. М.В. Панов писал: «Теперь газета говорит многими голосами.

Одна из причин этого сдвига – иное отношение к норме. В 30-60-е годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма – это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого. Теперь отношение изменилось: норма – это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте» [8, с. 84].

Вариативность норм литературного языка описана во многих работах; вариативности, например, произносительных норм посвящено большинство статей «Культуры русской звучащей речи» (2004). Е.А. Земская пишет: «Восприятие московского произношения жителями других городов может быть показателем фонетической вариативности, зависящей от локальных и социально-образовательных различий» [7, с. 124]. Необходимость описания всех вариантов нормы с соответствующими сопроводительными пометами очевидна всем филологам. Однако представляется, что вопрос о кодификации очевидной лингвистам вариативности литературного языка не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Принятое в ортологии утверждение о кодифицированности как одном из основополагающих признаков литературного языка перестает быть таким очевидным, когда мы обращаемся к понятию нормы в контексте функциональной стилистики вообще и специального изучения РР в частности.

Общим в подходе к РР большинства исследователей является признание РР частью литературного языка (в противоположность диалектам, жаргонам и просторечию). М.В. Панов рассматривает РР как безусловно принадлежащую литературному языку его разновидность: «Часто говорят, что эта раскованная и непринужденная речь находится за пределами литературного языка. На самом деле она разновидность последнего» [8, с. 49].

Однако соотношение РР и КЛЯ видится разным авторам по-разному.

Л.П. Крысин отмечает, что «разговорная разновидность литературного языка достаточно давно в науке о русском языке отграничивалась от книжной. Однако в последние десятилетия она получает интерпретацию как самостоятельная и самодостаточная система – внутри общей системы литературного языка, – со своим набором единиц и правилами их сочетания друг с другом <...> разговорный литературный язык не является предметом кодификации: в нем, безусловно, действуют определенные нормы <...> но эти нормы сложились исторически и никем сознательно не регулируются и не закрепля-

ются в виде каких-либо правил и рекомендаций. Тем самым кодифицированность/некодифицированность – еще один, причем весьма существенный, признак, различающий книжную и разговорную разновидности литературного языка» [9, с. 43].

Исследователи основных центров исследования РР (коллоквиалистики) также исходят из некодифицированной нормированности РР.

О.Б. Сиротина уже с ранних своих фундаментальных работ (1974) считает РР принадлежащей к литературному языку: РР – это «спонтанная устная литературная речь в условиях непринужденного неофициального непосредственного персонального общения» [11, с. 3]. При этом РР ставится ею в один ряд с другими функциональными стилями и практически отождествляется с разговорным стилем: «РР – устная форма разговорного стиля» [12, с. 4].

Авторы «Русской разговорной речи» [13], исходя из принятого ими общего противопоставления РР и КЛЯ, утверждают, что «РР и функциональные стили КЛЯ необходимо разграничивать, а не объединять»; при этом авторы используют понятие нормы в широком понимании и признают безусловную узуальную нормативность РР при кодифицированной нормативности КЛЯ: «Словари и грамматики КЛЯ имеют давнюю традицию составления, тогда как РР только начинает изучаться; до сих пор нет ее полного словаря и грамматики» [14, с. 21-22].

О.А. Лаптева также использует широкое понимание нормы – вне официальных средств ее кодификации: «С тех пор как автоматизм спонтанной устной речи стал считаться аксиомой, нормативный характер использования языковых средств, которыми она располагает, обычно не вызывает сомнений» [15, с. 19]. При этом «норма не есть предписание извне, нормативными учебниками и справочной литературой. Она существует как равнодействующая коллективного языкового сознания и вместе с ним меняется. Нормативно все то, что входит в язык и закрепляется в нем» [15, с. 46]. Норма РР «существует в пределах устно-разговорной разновидности литературного языка с общелитературной» [15, с. 20]. Все устное общение на литературном языке автор считает единой устно-разговорной его разновидностью, то есть РР. При этом О.А. Лаптева отмечает важное отличие норм РР от норм КЛЯ: «Устно-разговорная литературная норма несравненно динамичнее кодифицированной, стремительнее в своем становлении и изменении. Вместе с тем ее

отличительной особенностью является высокая степень облигаторности <...> Здесь быстрее происходят смены, речевые средства легче приобретают нормированный характер и легче исчезают. Это создает условия для возникновения своеобразных «возрастных» нормативных систем, которые могут совмещаться в пределах одной эпохи» [15, с. 26].

Иными словами, коллоквиалисты единодушны в мнении, что РР находится в зоне узуального, а не кодифицированного нормирования, однако из этого ими делаются разные выводы: Е.А. Земская и ее последователи выводят РР за пределы КЛЯ, О.Б. Сиротина рассматривает РР как принадлежащий КЛЯ функциональный стиль, а О.А. Лаптева утверждает, что нормы РР кодифицированы лишь в той своей части, которая является «общелитературной», т.е. стилистически нейтральной.

Наша точка зрения по данному вопросу отчасти смыкается с точкой зрения О.А. Лаптевой и выводит нас на обобщения более универсального характера, касающиеся общих вопросов кодификации языковых средств с точки зрения их стилового статуса.

Как известно, разные языковые уровни обладают разным стилистическим потенциалом («стилистикой ресурсов»).

В.В. Виноградов в статье, обобщающей результаты знаменитой дискуссии о функциональных стилях, проведенной в журнале «Вопросы языкознания» в 1954 г., отмечает, что к стилистике относятся, во-первых, «те синтаксические явления, которые не составляют сердцевины синтаксической структуры языка» [1, с. 60], во-вторых, «определение ограниченных сфер употребления некоторых слов, значений, фразеологических оборотов и выражений» [1, с. 64]. При этом «гораздо меньше материала в смысле экспрессивно-стилистических различий предоставляют стилистике современного русского языка морфология и фонетика <...> Если не включать в морфологию область словообразования, то из круга собственно морфологических явлений в стилистику могут войти лишь вопросы о функциях и сферах употребления вариантных – параллельных и синонимических – форм склонения и спряжения, а также степеней сравнения. Проблемы же синонимии частей речи, служебных слов и частиц, а также вопросы об экспрессивных оттенках предикативных форм и оборотов (например, глагольных форм времени и наклонения, безличных глаголов и т.п.) относятся уже к области или лексики, или синтаксиса» [1, с. 65].

Таким образом, в наибольшей степени стилистическая дифференциация проявляет себя в лексике: все лексические единицы маркированы с точки зрения своего стилевого статуса. В фонетике понятие стилистического связано с понятием «стили произношения».

Морфемно-словообразовательный уровень в стилевом отношении является вспомогательным: присоединение стилистически окрашенного форманта к стилистически нейтральной основе создает отдельную лексему, которая описывается в словаре как отдельная лексическая единица со своей собственной стилевой пометой. Созданная стилистически маркированным суффиксом лексема *книжка* имеет во всех толковых словарях помету *разговорное*. При этом стилистический потенциал словообразования, безусловно, не следует преуменьшать в динамическом, деятельностном аспекте, поскольку в процессе словообразования могут создаваться стилистически маркированные новые слова, в частности авторские неологизмы [16].

Морфологический уровень наименее стилистически дифференцирован, и это его свойство отмечено во всех общих работах по стилистике. Однако с утверждением В.В. Виноградова о том, что стилевые морфологические особенности следует отнести к лексике или синтаксису, можно не согласиться: по нашему убеждению, стандартное переносное употребление морфологических форм, неизбежно приводящее к их стилистической ненейтральной маркированности (например: *Приди он вовремя, ничего бы не случилось; А тут он внезапно и приди*), относится к сфере морфологических описаний как стилевой потенциал данного языкового уровня.

Синтаксис обладает бóльшим стилистическим потенциалом, чем морфология, но для «рядового» носителя языка это положение дел не вполне очевидно.

На разных уровнях «стилистики ресурсов» различна и стилистическая кодификация языка.

В наибольшей степени кодифицирована лексика: помещение слова в нормирующий толковый словарь неизбежно сопровождается стилевой пометой; отсутствие пометы так же значимо, как и ее наличие, поскольку несет информацию о нейтральном стилевом статусе лексемы, – и в этом смысле все функциональные стили, в том числе и разговорный, кодифицированы в равной степени.

Что касается кодификации других языковых уровней, то школьная грамматика (как универсальное средство кодификации) включает описание и изучение преимущественно норм нейтрального стиля речи; отсюда и отмеченная Е.Я. Шмелевой общая нейтральность и школярская «правильность» текстов тех писем, которые она получала как ведущий радиопрограммы «Грамотей».

Однако полное описание стиля включает не только «стилистику ресурсов», но и стилистику текста, то есть выявление условий и законов употребления и сочетаемости стилистически маркированных единиц вплоть до описания целой коммуникативной ситуации, с одной стороны, и типовых способов описания в рамках конкретных жанров каждого функционального стиля – с другой.

Термин «типовые способы описания» ввела О.В. Кукушкина [17]. Автор справедливо отмечает, что «текст – это продукт единого процесса речемыслительной деятельности. Это результат порождения мысли (осмысления) и уточнения и опосредования этой мысли путем подбора пригодных для ее передачи языковых средств. <...> Взаимосвязь между продуктами языковой и ментальной деятельности можно, как нам представляется, охарактеризовать следующим образом: типовой способ осмысления закрепляется в общественном сознании как типовой способ описания» [17, с. 4-5]. В более общем виде эта мысль выражается достаточно часто; Л.П. Крысин пишет: «В культурной среде всякого общества вырабатываются определенные формулы, которые обслуживают общение людей в часто повторяющихся, стереотипных ситуациях» [9, с. 491]. Мы в своей работе используем для обозначения типовых формул построения текстов разных стилей и жанров термин «жанровый канон».

С кодификацией стилистических параметров текста дело обстоит значительно хуже, чем с кодификацией «стилистики ресурсов», не только в рамках «школьной грамматики» русского языка, но и в рамках так называемой «научной грамматики». Отдельные жанровые каноны в рамках тех или иных функциональных стилей охарактеризованы достаточно полно, другие описаны поверхностно или не описаны вовсе. Важно, что эти описания, строго говоря, вообще не имеют кодифицирующего характера в силу их разрозненности в отдельных научных статьях, монографиях и сборниках. Вместе они сведены, пожалуй, только в вузовских учебниках по стилистике и культуре речи, да и то в самом общем виде.

Осмелимся утверждать, что типовые способы описания самых разных жанров и функциональных стилей вообще имеют только узувальное нормирование – это речевое действие «по образцам».

Это относится в первую очередь к любым жанровым формам стилей, не используемым нами в профессиональной деятельности. В речевом опыте носителя языка не существует единого стандарта в написании текста даже такого актуального для каждого члена общества официально-делового жанра, как заявление: в каждом учреждении посетителю будет выдан свой образец. Ни один носитель языка самостоятельно не справится ни с доверенностью, ни с завещанием, ни с договором: на всё нужен образец, принятый зачастую только в данной конкретной организации.

Не лучше обстоит дело и с научным стилем. Любой преподаватель высшей школы знает, что каждого студента надо персонально учить навыкам составления курсовых и дипломных работ, рефератов и научных отчетов; при объяснении специфики текста каждого из этих жанров, его структуры и композиции, принятой в нем идиоматики и терминологии мы обычно не только рассказываем студенту об этих особенностях, но и даем ему образцы – естественные тексты уже окончивших обучение студентов или искусственно созданные шаблоны. Например, студентка, благополучно окончившая несколько лет назад филологический факультет МГУ, первую свою курсовую работу начала следующими словами: «Целью данной работы является написание курсовой работы». И эта ошибка не является логической: любая деятельность своим целеполаганием может иметь не только результат, но и процесс.

Более того, невозможно утверждать, что существуют четкие предписания для создания собственно научных текстов. Организаторы каждой конференции присылают описание и образец оформления тезисов, а для структурирования кандидатских и докторских диссертаций соискатель степени опирается не столько на стандарт ВАК, сколько на другие недавно защищенные диссертационные работы.

Что касается различных жанров публицистического стиля, то и тут следование стиливым образцам (равно как и отступление от них) изучается преимущественно «по прецеденту» (или не изучается вовсе) и при этом оценивается, и весьма строго, адресатом в соответствии с принятыми им за основу жанровыми канонами. Е.Я. Шмелева, анализируя общие черты реакций слушателей переда-

чи «Грамотей», отмечает «непонимание и неприятие языковой игры журналистов» [5, с. 626]. Видимо, для большинства населения образец хорошего текста публицистического стиля по-прежнему составляет обезличенная и выверенная нейтрально-возвышенная стилистика репортажей советских времен.

Иными словами, литературный язык регулируется не только кодифицированными нормами, но и нормами узуальными (традиционными, прецедентными). Представляется, что последние как раз и реализуют себя на текстовом уровне.

Таким образом, высказанная М.В. Пановым (и не только им) мысль, что средством кодификации являются не только учебники, словари и справочники, но и образцовые тексты представляется очевидной. Однако при этом в силу традиции, видимо, целесообразно отказаться от логично вытекающего из этого соображения парадоксального понятия «узуальная кодификация» и использовать вполне традиционное понятие «узуальное нормирование».

Предложенные выше соображения можно суммировать следующим образом: традиционные и общепринятые представления о кодифицированности литературного языка не вполне соответствуют действительности:

Во-первых, в полном смысле кодифицирован в предписательном аспекте только нейтрал, поскольку именно он является основным объектом изучения в школьном курсе русского языка (строго говоря, идеальной целью этого курса).

Во-вторых, в рамках «стилистики ресурсов» стилистически маркирована и последовательно кодифицирована только номинативная база каждого функционального стиля (лексика, в том числе терминология, и идиоматика).

В-третьих, в отношении специфических для каждого функционального стиля жанровых канонов (типовых способов описания) все функциональные стили находятся в равном положении: эти каноны усваиваются по образцам и по ним же оцениваются адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. №1.
2. *Крысин Л.П.* Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки: Общество в зеркале языка. 2005. №2.
3. Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 2001.
4. *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.1. М., 2004.
5. *Шмелева Е.Я.* Слушатели передач о русском языке: попытка социолингвистического портрета // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007.
6. *Литневская Е.И., Багрянцева В.А.* Методика преподавания русского языка в средней школе: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2006.
7. *Земская Е.А.* Социально-культурная и индивидуальная фонетическая вариативность слова в русском языке XX века // Культура русской звучащей речи: традиции и современность: Тезисы докладов Международной научной конференции 26-28 апреля 2004 г. М., 2004.
8. *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. М., 2007.
9. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Под ред. Л.П. Крысина. М., 2003.
10. *Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
11. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика / Под ред. О.Б. Сиротининой. М., 2009.

12. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / Под ред. О.Б. Сиротининой. М., 2009.
13. Русская разговорная речь / Ред. Е.А.Земская. М., 1973.
14. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
15. *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
16. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М., 1992.
17. *Кукушкина О.В.* Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М., 1998.

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

24 марта 2011 г.